

юрид. наук : 12.00.01 «Теорія і історія права і держави; історія правових навчальних» / М.Є. Ковальська; Ін-т законодавства ВР України. – К., 2013. – 20 с.

6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 9-е изд., испр. и доп. – М. : Сов. энциклопедия, 1972. – 846 с.

7. Рабінович С.П. Природно-правові підходи в юридичному регулюванні / С.П. Рабінович. – Львів : Львівський державний університет внутрішніх справ, 2010. – 576 с.

8. Фуллер Лон Л. Анатомія права. – пер. з англ. Н. Комарова. – К. : Сфера, 1999. – 144 с.

9. Фуллер Лон Л. Мораль права. – пер. з англ. Н. Комарова. – К. : Сфера, 1999. – 232 с.

10. Рабінович С.П. Природно-правові підходи в юридичному регулюванні / С.П. Рабінович. – Львів : Львівський державний університет внутрішніх справ, 2010. – 576 с.

11. Цвік М.В. Про сучасне праворозуміння / М.В. Цвік // Вісник Академії правових наук України. – Х. : Право, 2001. – № 4 (27). – С. 3–13.

12. Ведяхина К.В. Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» / К.В. Ведяхина. – Самара, 2001. – 255 с.

13. Борисов Г.А. Отправные нормативные установления советского законодательства : дис. ... док. юрид. наук : 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» / Г.А. Борисов ; НЮАУ. – Харьков, 1991. – 396 с.

14. Погребняк С.П. Основоположні принципи права (змістовна характеристика). – Харків : Право, 2008. – 240 с.

15. Максимов С.И. Правовая реальность : опыт философского осмысления. – Харьков : Право, 2002. – 328 с.

ВИДЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ И ФИЗИЧЕСКИХ НАКАЗАНИЙ ПО ЛИТОВСКОМУ СТАТУТУ 1588 Г. И СОБОРНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1649 Г.: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Татьяна БАЙРАКА,

соискатель кафедры истории государства и права
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

The article, based on a comparison of a Lithuanian Statute of 1588 and the Council Code of 1649, identifies common and distinctive features of the types of property and physical punishment in Ukrainian and Russian criminal law at the end of XVI – and early XVII century. It is proved that these legal sites reflected the presence of both analogies and features in the systems of property and physical punishment in Ukrainian and Russian criminal law at one stage of their development in the Middle Ages.

Key words: types of property punishment, types of physical punishment, Lithuanian Statute 1588, Conciliar Code of 1649.

Аннотация

В статье, на основе сравнения норм Литовского Статута 1588 г. и Соборного Уложения 1649 г., выявляются общие и отличительные черты видов имущественных и физических наказаний в украинском и российском уголовном праве конца XVI – первой половины XVII в. Доказано, что указанные правовые памятники отобразили наличие как аналогий, так и особенностей в системах имущественных и физических наказаний украинского и российского уголовного права на одном из этапов их развития в эпоху Средневековья.

Ключевые слова: виды имущественных наказаний, виды физических наказаний, Литовский Статут 1588 г., Соборное Уложение 1649 г.

Постановка проблемы. Развитие независимой Украины, становление ее правовой системы объективно способствует позитивным сдвигам в научно-исследовательской сфере. В частности, отечественная историко-правовая наука освобождается от идеологических штампов советского прошлого, субъективного искажения исторических фактов. В этом контексте актуализируются исследования правового наследия как украинского, так и российского народов. Особенно значимыми становятся исследования тех проблем, которые не потеряли своей важности и сегодня, и связанные с проблемными вопросами генезиса институтов украинского и российского уголовного права в конце XVI – первой половине XVII в., в частности, системы наказаний. В современной отечественной юридической науке большое значение приобретают сравнительно-правовые исследования. На наш взгляд, научную значимость имеют, бесспорно, те компаративные исследования, которые тесно сочетаются с исследованиями историко-правового характера.

В этом случае объективно отражается реальная обстановка определенного периода, воспроизводятся исторические условия, при которых существовали правовые нормы и институты в том или ином государстве, становится понятным причинно-следственный характер их изменений.

Следует отметить, что в историко-правовой науке виды имущественных и физических наказаний как по Литовскому Статуту 1588 г., так и по Соборному уложению 1649 г. в той или иной мере исследовал ряд ученых: В.В. Строев, Н.И. Ланге, Н.Д. Сергеевский, А.Г. Тимофеев, Н.П. Загоскин, С.Н. Викторский, И.А. Малиновский, А.Ф. Кияжковский, Г.В. Демченко, Н.С. Таганцев, Н.А. Евреинов, Я.А. Падох, К.А. Софроненко, А.Г. Маньков, М.Г. Миненок, В.А. Рогов, Н.А. Шелкопляс, С.В. Кудин, Д.И. Любченко и другие. Анализ работ указанных ученых свидетельствует о достаточно высоком уровне исследования видов имущественных и физических наказаний за ЛС и СУ. Вместе с тем, на наш взгляд, их изучение по указанным

правовым памятникам проводилось в контексте общего исследования системы наказаний, без достаточного учета сравнительного аспекта исследования.

Целью статьи является выявление на основе сравнения норм ЛС и СУ общих черт и (далее Литовский Статут 1588г.–ЛС, Соборное Уложение 1649г.–СУ) отличительных особенностей видов имущественных и физических наказаний, существовавших в украинском и российском праве в конце XVI – первой половине XVII в.

Изложение основного материала исследования. Система имущественных наказаний по ЛС включала возмещение вреда, штраф в пользу государства и конфискацию имущества. Возмещение предполагалось за все виды преступлений против личности или собственности («головщина», «навязка» и «гвалт»). Возмещение было важным наказанием в украинском праве и обеспечивало выполнение такой цели уголовной политики, как «никто в своей невиновности терпеть не должен» – то есть, любое причинение материального, физического или имущественного вреда должно быть возмещено.

«Головщина» взыскивалась исключительно за убийство. Так, за убийство шляхтича предусматривалось взыскание 100 коп грошей, «головщина» за причинение смерти простолюдину была меньше (за «панцирного» слугу – 60 коп, наименьшая – «челядника» – 20 коп). Это ярко отразило существование в украинском праве конца XVI в. принципа права-привилегии. Для украинского уголовного права характерно взыскание кратного размера «головщины». Например, двойной размер взымался за убийство женщины, убийство лица в присутствии короля или в его дворце, судебного чиновника или частного лица в присутствии судей, при нападении на дом, за убийство тайным способом. Тройной размер предусматривался за убийство лица в присутствии хозяина или в его дворце огнестрельным оружием, убийство чиновника – посла монарха, убийство лица, имеющего поручительное письмо (р. I, а. 9, 10, 24; р. IV, а. 7, 11, 62, 63; р. XI, а. 1, 17, 27, 29; р. XII, а. 3, 5, 6) [1, с. 8–10, 22, 25, 96, 100, 158, 159, 281, 295, 303, 334, 335].

«Навязка» взымалась за совершение менее тяжких преступлений, в основ-

ном, за преступления против здоровья, чести, собственности (р. I, а. 9, 10, 13, 24; р. III, а. 19, 23, 28; р. IV, а. 7, 11, 62, 63; р. X, а. 4, 5; р. XI, а. 1, 27, 28, 41–43, 49; р. XII, а. 3–6; р. XIII, а. 1, 3, 4; р. XIV, а. 11, 15) [1, с. 8–12, 14, 22, 61, 63, 65, 96, 100, 158, 159, 275, 281, 302–304, 316, 317, 321, 334, 335, 350–352, 369, 371]. Ее размер был постоянен и зависел от нескольких факторов, в частности, «навязка» подразделялась на «благородную» («шляхетную») и для простолюдинов, увеличивалась в зависимости от искаленного (пострадавшего) органа или характера ранения. Также размер «навязки» увеличивался (вдвое) за посягательство на права женщины, повышался в случае причинения ранения в присутствии монарха или в его дворце, государственному или судебному чиновнику, причинение злостной обиды шляхтичу и тому подобное.

В ЛС зафиксирован еще один вид возмещения, который назывался «гвалт». По мнению отдельных исследователей, он имел уголовный характер, взымался в пользу потерпевшего за причиненное ему насилие и преследовал двойную цель, а именно: морально удовлетворял потерпевшего и одновременно возмещал ущерб [2, с. 59–60, 68, 3; с. 47, 4; с. 189, 5; с. 99]. «Гвалт» взыскивался за посягательство на здоровье и честь человека, его собственность (р. II, а. 18; р. III, а. 29, 37, 47; р. IV, а. 62; р. IX, а. 18, 20–23; р. X, а. 1, 4, 7, 9, 10, 11, 12, 14–16; р. XI, а. 1, 28, 43 и другие) [1, с. 42, 68, 78, 83, 158, 262, 264–267, 272, 274, 276–279, 282, 304, 317]. Исходя из анализа артикулов ЛС, «гвалт» имел два размера: 12 и 3 руб. денег. 12 руб. взыскивалось в случае совершенного преступления открыто, с применением насилия, а также при нападении на шляхтича, 3 руб. – если преступление было совершено тайно или нападение было совершено на простолюдину.

Кроме возмещений, в украинском уголовном праве существовала система имущественных наказаний, взыскиваемых в пользу государства. В ЛС они играли заметную роль, поскольку были достаточно выгодны государству и существенно пополняли государственную казну. Такие взыскания подразделялись на штрафы и конфискацию имущества. Исходя из анализа норм ЛС,

штраф мог взиматься за неповиновение «слову» Великого князя, нарушение его постановлений, грабеж и тому подобное (р. I, а. 14, 23; р. III, а. 37, 51; р. XI, а. 28) [1, с. 16, 21, 78, 85, 304]. Сумма штрафа зависела от тяжести совершенного деяния и колебалась от 3 руб. до 100 коп грошей. Конфискация имущества заключалась в конфискации имений («тратить и спадывает на насъ хозяина»). В целом, конфискация могла применяться как основное, так и дополнительное наказание, и предусматривалась за совершение некоторых государственных и воинских преступлений (государственная измена, бегство в землю врага, установление незаконных пошлин, не прибытие в войско, дезертирство, бегство с поля боя, передача оружия врагу и тому подобных) (р. I, а. 3, 6, 19, 29; р. II, а. 7, 10, 14; р. III, а. 48) [1, с. 2, 3, 5, 18, 27, 38–40, 83].

Нормы ЛС отобразили развитие в украинском праве физических наказаний. В их системе ведущую роль играла смертная казнь: в ЛС насчитывается около 70 артикулов, в которых говорится о простой смертной казни и около 10 – квалифицированной. Лишение жизни содержались почти во всех главах ЛС, касающихся уголовного права. Смертная казнь предусматривалась за совершение особо тяжких государственных, воинских, должностных преступлений, преступлений против правосудия, личности или собственности. В соответствии с нормами ЛС, способ простой смертной казни не указывается, кроме повешения. Для ее обозначения используются термины «горло тратит», «на горле мает быти карань» и другие. Вместе с тем, законодатель четко указывает на способы квалифицированной смертной казни. Такими были: четвертование (за убийство шляхтичем или простолюдином шляхтича из мести, убийство шляхтичем шляхтича тайно (при этом другим способом было сажание на кол), убийство или ранение своего господина (р. XI, а. 9, 16, 17); лишение жизни с применением пытки (за убийство простолюдином шляхтича тайным способом, р. XI, а. 17); сожжение (за подделку печатей или подписи монарха, фальшивомонетничество, поджог домов, насильственное обращение христиан или их детей в ислам или иудаизм, р. I, а. 16, 17; р. XI, а. 18; р. XII, а. 9); утопление (за убийство роди-

телей, одного из супругов, р. XI, а. 6, 7) [1, с. 17, 18, 287–289, 295, 296, 337].

Смертная казнь предусматривалась для всех слоев населения, хотя имелись значительные различия в ее применении. Основную роль в применение норм, имеющих санкцией смертную казнь, играл принцип права-привилегии. Так, при убийстве в драке простолюдина шляхтичем последний подвергался наказанию «на горло» только в случае задержания на месте преступления, в противном случае предусматривалась сложная процедура доказательства его вины. При убийстве шляхтича несколькими шляхтичами лишь один подлежал смертной казни, остальные соучастники платили «головщину», к ним применялось тюремное заключение. В случае совершения аналогичного преступления несколькими простолюдинами, смертной казни подвергались три человека-соучастника. Если простолюдин лишит жизни шляхтича из мести, то он должен быть четвертован, а если наоборот – то виновный подлежал только отрубанию руки (р. XI, а. 16, 29, 39; р. XII, а. I) [1, с. 295, 306, 314, 333]. А.Ф. Кистяковский отмечает, что к дворянству не применялась смертная казнь, за исключением редких случаев. «Ведь хотя *de jure* шляхтич подлежал смертной казни за убийство даже простолюдина, но *de facto* лишь в очень редких случаях он мог быть приговорен к этому наказанию ...» [6, с. 159]. Его поддерживает И.А. Малиновский, который отмечает, что смертная казнь грозила в основном простолюдинам и была одним из способов, которым шляхта защищала свои интересы и мстила врагам [7, с. 176].

Вместе со смертной казнью, к системе физических наказаний относились телесные, подразделяющиеся на членовредительские и болевые, но, в отличие от смертной казни, этот вид физических наказаний не получил существенного распространения (в ЛС артикулов, имеющих санкцией членовредительские наказания было 10, а болезненных – 6). Членовредительские наказания (отрубания руки, отрезание ушей, языка, носа и губ, разрезания ноздри) имели характер символического отображения определенного преступного деяния. Поэтому, например, отрубания руки применялось за преступления, совершенные именно ру-

кой: причинение ранений, покушение на жизнь или здоровье в присутствии князя, судей, избивение шляхтича, убийство шляхтичем простолюдина из мести. Отрезание языка предусматривалось за клевету шляхтича в присвоении им дворянства. Отрезание ушей, носа и губ, разрезание ноздри должно было указывать населению на совершение лицом аморальных, порочных действий или акцентировало внимание на преступной специализации виновного (кража на королевском дворе, рецидив кражи рыбы, сводничество, клевета, совершенная в четвертый раз) (р. I, а. 9; р. IV, а. 62, 105; р. XI, а. 9, 16, 39, 49; р. XIV, а. 22, 27, 31) [1, с. 8, 9, 158, 194, 289, 295, 314, 321, 374, 377, 379]. Назначение членовредительских наказаний не было лишено сословной окраски: во-первых, к шляхтичам могло применяться только отрубание руки, во-вторых, если отрубанием руки шляхтич наказывался за убийство простолюдина из мести или за ранение из мести шляхтича, то простолюдин – за любое ранение или избивение шляхтича.

Болевые наказания заключались в избивении дубинками или «пугами». Избивение предполагалось при рецидиве бродяжничества или кражи, за клевету простолюдина на шляхтича в совершении им кражи или в присвоении дворянства, первую кражу сена или рыбы (р. III, а. 22; р. XII, а. 24; р. XIV, а. 7, 10, 26, 27) [1, с. 63, 309, 312, 349, 376, 377].

Система имущественных наказаний по нормам СУ включала возмещение вреда, штраф в пользу государства и конфискацию имущества. Все указанные виды имущественных наказаний были самостоятельными видами и применялись только вместе с другими карами (дополнительные наказания). Как отмечает А.Г. Маньков, этот вид наказаний к середине XVII в. занял подчиненное место, но не потерял предыдущего своего значения – компенсации материального ущерба потерпевшему и пополнение казны монарха

[8, с. 227]. Возмещение предполагалось за все виды преступления против личности или собственности. Основным критерием применения этого вида наказаний было получение пострадавшим «бесчестья», а иногда и «увечья». В связи с этим интересную мысль вы-

ражает В.А. Рогов: при защите жизни нормы СУ основывались на традиционно религиозных основах – жизнь принадлежала Богу, однако, при защите чести и телесной неприкосновенности законодатель исходил из сословно-материальных основ [9, с. 102–104]. Становится понятным, почему в нормах СУ закреплены довольно высокие размеры возмещения морального и физического вреда (от 1 до 400 руб.). «Бесчестье» платилось за оскорбление словом, избивения, а при ранениях пострадавший получал «бесчестье и увечья». Абсолютизация классово-сословного подхода при определении размера «бесчестья» приводила к тому, что он зависел не только от социального статуса потерпевшего и преступника, но и от церковного чина, звания и должности (во внимание принимался оклад служащего), а также сословной организации населения (среди бояр, дворян, купцов и так далее). Именно поэтому в р. X, ст. 27–98 и р. XXIV, ст. 1, 2 детально расписаны размеры «бесчестья» каждой группы населения [10, с. 34–38, 132].

Размер «бесчестья» зависел и от некоторых других факторов. Так, повышенной охраной закона пользовались женщины: жена имела право на получение «бесчестья» вдвое больше, чем «оклад» мужа, а его дочь – в 4 раза больше (р. X, ст. 99). Размер «бесчестья» становился двойным и в случае причинения оскорбления в церкви, во дворце монарха, во время прохождения воинской службы, судебного заседания, судьи. Квалифицирующими признаками также выступали обстоятельства и характер совершения преступления: во время насильственного нападения на дом, соединенного с избиванием плетью или кнутами (р. I, ст. 5; р. III, ст. 2, 5; р. VII, ст. 30, 32; X, ст. 105, 106, 199; XXI, ст. 11) [10, с. 19, 22, 27, 39, 53, 130]. «Увечья» как вид возмещения вреда применялся лишь в случае причинения увечья и имел фиксированный размер. Так, в р. XXI, ст. 10 за причинение увечья виновный должен выплатить пострадавшему 50 руб. [10, с. 130]. Возмещение за причинение материального ущерба – «убытков» – имело фиксированный размер (р. X, ст. 217–219, 221) или нефиксированный, который зависел от причиненного ущерба, стоимости иму-

щества (р. X, ст. 208–211, 214–216, 220, 222–224, 227) [10, с. 54–57].

Штрафы в пользу государства назывались «пеня», «заповедь» и взимались за лов рыбы в имениях монарха, преступления против порядка управления или правосудия, взяточничество, должностные преступления, примирение с разбойником, сокрытие «оговоренных людей» или бывших преступников, «корчемство», продажу табака и тому подобное (р. I II. ст. 8; р. IX, ст. 5, 7; р. X, ст. 8, 150, 162–164, 186–188; р. XXI, ст. 20, 31, 78; р. XXV, ст. 1–3, 6, 8, 11 [10, с. 22, 29, 31, 47, 49, 50, 52, 119, 120, 126, 133–134]. Размер «пени» и «заповеди» был как фиксированным (колебался от 1 до 50 руб), так и нефиксированным («смотря по делу»), имел также и трехкратный размер. Он зависел от тяжести совершенного деяния, количества рецидивов, социального статуса виновного. Например, за предоставление во время «обиска» ложных показаний простолудины платили «пени» 1 руб., а архимандрит – 50 руб (р. X, ст. 162).

Более действенным способом пополнения государственной казны была конфискация имущества. Она применялась за измену, совершенную в третий раз, дезертирство, бегство с поля боя, переход на сторону врага, нарушения порядка управления, разбой, укрывательство помещиками преступников, «корчемство», продажу табака (р. II, ст. 5, 9; р. VII, ст. 8, 19, 20; р. XIX, ст. 15, 16; р. XXI, ст. 26, 79; р. XXV, ст. 3, 11 [10, с. 20, 25, 26, 101, 120, 126, 133, 134]. Конфискации подлежали вотчины, имения, дворы, лавки, амбары, движимое имущество («животы»).

Важное место в системе наказаний уголовного права Московского государства середины XVII в. занимали физические наказания, которые делились на смертную казнь и телесные наказания. По оценкам многих исследователей, в нормах СУ смертная казнь встречается в 60 случаях ([11, ст. 83; 12, ст. 43; 7, ст. 177; 8, ст. 225; 13, ст. 6; 14, ст. 24]), С.Н. Викторский выделил 63 преступных деяния [15, с. 91–94], А.Ф. Кистяковский и Н.С. Таганцев – 54 [6, с. 169, 16; ст. 59], К.А. Софроненко – 36 [17, ст. 50], В.А. Рогов – 20 [9, ст. 189]). По мнению Н.П. Загоскина, смертная казнь должна была реализовать идею запугивания и служила важным сред-

ством борьбы государства против «лихих людей» [12, с. 42–43]. Как считает Н.С. Таганцев, существенное увеличение сферы применения смертной казни объясняется тем, что ее начали назначать и за такие деяния, которые в эпоху судебных подделок подлежали только телесным наказаниям [16, с. 59]. По мнению же Н.А. Шелкопляс, причиной увеличения числа санкций в виде смертной казни было обусловлено обострением классовых противоречий, которые стали следствием окончательного закрепощения крестьян и усиления их внеэкономического принуждения [14, с. 24]. Важно отметить, что ученые связывают развитие этого вида наказания не только с объективными закономерностями, но и с значительным влиянием византийского законодательства и ЛС [12, с. 44–45; 15, с. 61–62; 16, с. 59; 13, с. 6; 14, с. 24–25].

В целом следует согласиться с взглядами ученых, и добавить, что, несмотря на расхождение в подсчете количества случаев применения смертной казни (или статей СУ, в которых содержался этот вид наказания), можно говорить о важной тенденции расширения сферы ее внедрения по сравнению с предыдущим периодом. Как показывает анализ норм СУ, смертная казнь предусматривалась за особо тяжкие преступления, санкция содержалась во всех главах, касающихся уголовного права. К таким деяниям относились преступления против религии, церкви и нравственности (гл. I, XXII), государства (гл. II–VI), воинские преступления (гл. VII), преступления против правосудия (гл. X), преступления против личности и собственности (гл. XXI, XXII). В соответствии с нормами СУ, смертная казнь подразделялась на простую и квалифицированную. В основном, в нормах СУ не содержится указания на способ смертной казни, лишь говорится о повешении (гл. VII, ст. 20). При этом можно выделить виды квалифицированной смертной казни. Их было три: сожжение, которое предусматривалось за богохульство (гл. I, ст. 1), поджог городов предателями (гл. II, ст. 4), поджог дворов из мести или с целью ограбления (гл. X, ст. 228), насильственное обращение православного человека в ислам (гл. XXII, ст. 24); заливание в горло расплавленного металла – за подделку монеты (гл. V, ст. 1);

закапывание в землю – применялось только к женщинам за убийство ими своих мужей (гл. XXII, ст. 14) [10, с. 19, 20, 23, 57, 130, 131].

Другим важным видом физических наказаний были телесные, подразделяющиеся на членовредительские и болезненные. Членовредительские наказания предусматривались за причинение повреждения телу потерпевшего исходя из принципа талиона (гл. XXII, ст. 10): за отсечение руки, ноги, ушей, носа, отрезание губ, выкалывание глаз виновному следует «самоу ему то же учинить» [10, с. 130].

По нормам СУ отсечение руки предполагалось за покушение на жизнь или здоровье человека в присутствии монарха, ранение лица или третью кражу из «государева двора», кражу коня у военнотружущего, взяточничество «подьячего», ранение судьи, лица во время нападения на дом «скопом и заговором», участие «площадного подьячего» в оформлении документов для мошенничества, покушение на жизнь или здоровье своего господина (гл. III, ст. 4, 5, 9; гл. VII, ст. 29; гл. X, ст. 12, 106, 199, 251; гл. XXII, ст. 8) [10, с. 22, 27, 32, 39, 53, 60, 130]. Отрезание ушей применялось для наглядного удостоверения и информирования общества о преступной профессии (специализации) отдельных лиц и предусматривалось только в отношении воров и разбойников (гл. XX, ст. 9–11, 16, 90) [10, с. 119, 127]. Так же, очевидно, для информирования населения о виде совершенного данным лицом преступления применялось отрезание ноздрей, которое предусматривалось за «многие приводы» курения табака (гл. XXV, ст. 16) [10, с. 135]. Как справедливо отмечают Н.Д. Сергеевский, А.Г. Тимофеев, М.Г. Миненок, членовредительские наказания формировались под влиянием нескольких идей: идеи мести в виде талиона, запугивания; исправления, чтобы «отметить» преступника [11, с. 131–132, 18, с. 130; 13, с. 23].

Но основную массу среди телесных кар в СУ составляли не членовредительские наказания, а болезненные. В.А. Рогов отмечает, что для «...России особенно важно то, что применение телесных наказаний было тесно связано с государственной идеологией, с желанием заставить личность служить власти, сохранив ее как общественно

полезную единицу». Поэтому, как считает ученый, кроме запугивания, существовали и другие принципы наказания: «полезность», «направленность на изменение духовного склада личности», «предупреждения новых преступлений» [9, с. 229]. Болевые наказания делились на избивание кнутами и батогами. По подсчетам исследователей, избивание кнутами в нормах СУ встречается 140 раз [18, с. 155; 13, с. 24], и предполагается, фактически, за все виды преступлений, содержащихся в главах СУ (гл. I–XXV). Для определения этого вида наказания в нормах СУ закрепляются такие термины как «торговая казнь» (гл. I, ст. 3), «бить кнутом» (гл. II, ст. 14), «бить кнутом нещадно» (гл. VII, ст. 19), «бить кнутом по торгам» (гл. X, ст. 129), «бить кнутом на козле» (гл. X, ст. 187), «в приказе при многих людях бить кнутом нещадно» (X, 186) [10, с. 19, 21, 26, 43, 52].

Избивание плетью предполагалось за менее тяжкие преступления, чем избивание кнутами. В частности, такими преступлениями были: драка в церкви, ношение оружия во дворце монарха, оговор «подьячего» в отказе в правосудии, судебная «волокига» со стороны дьяка, обида словом патриарха со стороны стольников, дьяков, сыновей боярских, покушение на жизнь или здоровье в присутствии судей, первая кража рыбы из прудов, рецидив употребления «питухами» спиртных напитков в «трактирах» и так далее (гл. I, ст. 6; гл. III, ст. 7; гл. X, ст. 14, 16, 30, 105; гл. XX ст. 90; гл. XXV, ст. 1) [10, с. 19, 22, 32, 34, 39, 127, 133].

Как видно из анализа норм СУ, членовредительские и болезненные наказания могли применяться независимо от пола, социального происхождения или служебного положения. Но как отмечает М.Г. Миненок, хотя все жители Московского государства и подлежали этим видам наказаний, сословные и социальные различия все же учитывались [13, с. 26]. Это подтверждается соответствующими нормами СУ. Так, за служебный подлог дьяка следовало бить кнутами, а подьячему – отсечь руку (гл. X, ст. 12), за нарушение порядка подачи иска в суд виновного следовало бить батогами, а тех, кто «почестнее» – посадить в тюрьму на одну неделю (гл. X, ст. 20), за оскорбление словом патриарха стольников,

дворян московских, дьяков следовало бить батогами, а если такое преступление совершит купец, стрелок, казак, то их следовало уже бить кнутами и отправить в тюрьму (гл. X, ст. 30, 31) [10, с. 32–34].

Таким образом, из вышесказанного можно сделать следующие **выводы**:

1. На основании исследования норм ЛС и СУ можно выделить общие и отличительные черты видов имущественных и физических наказаний, существовавших в украинском и российском праве в конце XVI – первой половине XVII веков. К общим чертам можно отнести существование института возмещения вреда, размер которого увеличивался в зависимости от социального статуса и занимаемой должности потерпевшего и виновного, тяжести причиненного здоровью вреда, квалифицирующим признаком являлось посягательство на права женщины, а также совершение преступлений с иными отягчающими обстоятельствами. Данные характеристики присущи преступлениям против личности. В части преступлений против государства также имел место институт возмещения вреда. Применялась система штрафов в пользу государства, сумма которых зависела от тяжести совершенного деяния, однако приоритетное значение имела конфискация имущества. Система физических наказаний включала смертную казнь (простая – повешение; квалифицированная – сожжение) и телесные наказания (болезненные и членовредительские – отрубания руки, отрезание ушей, носа). Членовредительские казни и телесные наказания имели характер символического отображения определенного преступного деяния. Телесные наказания за преступления против здоровья, приводившие к увечью, предусматривались по принципу талиона. При применении телесных наказаний учитывались социальное положение потерпевшего и преступника.

2. К характерным отличиям системы имущественных наказаний в украинском праве следует отнести наличие «головщины» за убийство. Кроме того, за совершение преступлений против здоровья, чести и собственности взималась «навязка», отдельно выделялся штраф – «гвалт», который имел характер санкции за совершение уголовного преступления. Существовала разница

и в системе физических наказаний: в нормах ЛС было закреплены такие виды квалифицированной смертной казни как четвертование, лишение жизни с применением пытки, утопление. Болезненные наказания состояли в избивании дубинками или «пугами», а членовредительские – в отрезании языка, губ, разрезании ноздри, но телесные наказания не получили существенного распространения.

3. Отличительным признаком российского права было взыскание за оскорбление словом или за избивание – «бесчестья», а за причинение увечья – «увечья». В соответствии с нормами СУ предусматривались следующие виды квалифицированной смертной казни: заливание в горло расплавленного металла и закапывание в землю. Среди телесных наказаний приоритетными считались болезненные наказания. В российском праве наказание могло зависеть от церковного чина, звания, служебной должности (должностной привилегии), а также сословной организации населения (например, по родovitости бояр).

Список использованной литературы:

1. Статут Великого Княжества Литовского 1588 года // Временник Императорского Московского Общества Истории и Древностей Российских. – 1854. – Кн. 19. – С. 1–382.
2. Демченко Г.В. Наказание по Литовскому Статуту в его трех редакциях (1529, 1566 и 1588 гг.) / Г.В. Демченко. – К. : Типогр. Императорского Университета Св. Владимира, 1894. – 273 с.
3. Падох Я. Нарис історії українського карного права / Я. Падох. – Мюнхен : Молоде життя, 1951. – 128 с.
4. Кудін С.В. Становлення і розвиток кримінального права України у X – першій половині XVII ст. : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01. / С.В. Кудін. – К., 2001. – 226 с.
5. Любченко Д.І. Розвиток кримінального права Гетьманщини у другій половині XVII – XVIII ст. : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01. / Д.І. Любченко. – К., 2005. – 204 с.
6. Кистяковский А.Ф. Исследования о смертной казни / А.Ф. Кистяковский. – К. : В университетской типографии, 1867. – 281 с.

7. Малиновский И. Кровавая смерть и смертные казни / И. Малиновский. – Томск : Типогр. Сибир. Товарищества Печатного Дела, 1908. – Вып. 1. – 1908. – 209 с.

8. Маньков А.Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России / А.Г. Маньков. – Л. : «Наука», 1980. – 270 с.

9. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. / В.А. Рогов. – М. : Юрист, 1995. – 288 с.

10. Законодательные памятники Русского централизованного государства XV – XVII веков. Соборное Уложение 1649 года / [Г.В. Абрамович, А.Г. Маньков, Б.Н. Миронов, В.М. Панеях]; под ред. Л.И. Ивиной. – Л. : Изд-во «Наука», 1987. – 448 с.

11. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века / Н.Д. Сергеевский. – СПб : Изд. книжного магазина А.Ф. Цинзерлинга, 1887. – 300 с.

12. Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России / Н.П. Загоскин. – Казань : Типогр. Императорского ун-та, 1892. – 102 с.

13. Миненок М.Г. Наказание в русском уголовном праве: историко-правовой очерк / М.Г. Миненок. – Калининград : Изд-во Калинингр. ун-та, 1985. – 80 с.

14. Шелкопляс Н.А. Смертная казнь в России: история становления и развития (IX – середина XIX ст.) / Н.А. Шелкопляс. – Минск : Амалфея, 2000. – 112 с.

15. Викторский С.Н. История смертной казни в России и современное ее состояние / С.Н. Викторский. – М. : Типогр. Императорского Московского Университета, 1912. – 388 с.

16. Таганцев Н.С. Смертная казнь : сборник статей / Н.С. Таганцев. – СПб : Гос. тип., 1913. – 177 с.

17. Софроненко К.А. Соборное Уложение 1649 года – кодекс русского феодального права / К.А. Софроненко. – М. : Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 1958. – 58 с.

18. Тимофеев А.Г. История телесных наказаний в русском праве / А.Г. Тимофеев. – СПб : Типография С.-Петербургской тюрьмы, 1897. – 227 с.

ОБЯЗАННОСТИ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ В СФЕРЕ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Александр БАСАЙ,

кандидат юридических наук,
докторант кафедры права интеллектуальной собственности
и корпоративного права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

The article investigates the duties of the subjects of intellectual property rights. The classification of the duties on the basis of different criteria. Highlighted the general and specific duties. Proposed separation of duties, depending on the subjects on which they are assigned. The article investigates the responsibilities of authors, inventors and other entities that own intellectual property rights. Stresses the importance of a duty to respect for the rights and interests of other actors and create a new object of intellectual property rights.

Key words: duty, observance of the rights, intellectual property rights, author, owner of the patent.

Аннотация

В статье исследованы обязанности субъектов права интеллектуальной собственности. Проведена классификация обязанностей на основании разных критериев. Выделены общие и специальные обязанности. Предложено разделение обязанностей в зависимости от субъектов, на которых они возлагаются. В статье исследованы обязанности авторов, изобретателей и других субъектов, которым принадлежат права интеллектуальной собственности. Подчеркивается значение обязанностей по соблюдению прав и интересов других субъектов при создании нового объекта права интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: обязанность, соблюдение прав, право интеллектуальной собственности, автор, владелец патента.

Постановка проблемы. Субъективное право не может существовать само по себе без юридической обязанности, поскольку они составляют одно неделимое целое – правоотношение. Вследствие своей правовой природы субъективное право не будет существовать как право, если оно не противопоставляется и не обеспечивается юридической обязанностью. Субъективным правом, которое возникает в результате действия норм закона, лицо может владеть только в отношении любого обязанного субъекта, как и юридическая обязанность существует только в противопоставлении субъективному праву [1, с. 117].

Учитывая взаимосвязанность юридических прав и обязанностей, немаловажное значение имеет надлежащее выполнение обязанностей.

Состояние исследования. Отдельные вопросы выполнения обязанностей в сфере интеллектуальной собственности исследовались в работах В.А. Дозорцева, С.А. Сударикова, Е.И. Харитоновой, Р.Б. Шишки.

Вместе с тем в научных исследованиях основное внимание уделяется анализу имущественных и неимущественных прав, тогда как юридические обязанности надлежащим образом не исследованы, что подчеркивает важность и актуальность проблематики нашей работы.

Изложение основного материала. Юридическая обязанность – мера необходимого поведения, которая является гарантией реализации субъектами предоставленных им прав. Это объективно необходимое и возможное поведение, которое обеспечивает реальность возможностей, предоставляемых обществом и государством отдельному лицу. В случае положительного отношения лица к необходимости выполнения возложенных на него обязанностей их реализация наступает лишь при определенных условиях, предусмотренных правовой нормой. Государство в системе обязанностей определяет целесообразный, социально полезный и необходимый вариант поведения.